

С. О. Курьянов (Симферополь)

УДК 821.161.1:82-43

КРЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVI ВЕКА. (К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ КРЫМСКОГО ТЕКСТА)

***Реферат.** Главным текстообразующим элементом любого сверттекста является миф – мифологические (константные) представления о лице, предмете, явлении, регионе и т. п. Сверттекст есть миф, явленный в контексте, каковым является событийно-понятийная канва любого художественного литературного произведения. Древнерусские писатели XVI века, предвосхищая формирование крымского текста, существенно расширяют приёмы включения представлений о Крыме в читательское сознание. Один из вариантов крымского мифа – миф о Крыме как Восточной мусульманской стране – обретает в это время новые черты и функции. Цель данной статьи – показать, каким образом развивался этот вариант мифа о Крыме в XVI веке.*

***Ключевые слова:** Восток, древнерусская литература, ислам, Крым, крымский миф, крымский текст, сверттекст.*

Литературоведы – исследователи сверттекста, независимо от того, какой сверттекст они анализируют, топический ли, именной ли или какой-либо другой, в качестве безусловной истины признают высказанный ещё В. Н. Топоровым в связи с петербургским текстом тезис о том, что в основе сверттекста лежит миф. Для петербургского текста это петербургский миф. Соответственно для венецианского, к примеру, это миф венецианский, для пушкинского – пушкинский, для бай-

роновского – байроновский и т. д. То есть для литературоведа главный текстообразующий элемент сверткста – это миф.

Поэтому, если не вдаваться в детализацию, можно говорить о том, что *сверткст в литературоведческом понимании – это миф, явленный в контексте.*

Под мифом в данном случае понимается не созданное в античности повествование, в фантастических образах рассказывающее о человеке, мире и месте человека в нём. Миф в данном случае, скорее, набор определённых мифологем, ряда константных представлений о предмете или явлении. А контекстом является любое литературно (то есть сюжетно, композиционно и т. п.) оформленное описание разнообразных жизненных явлений – собственно тексты произведений, где текстообразующий миф может главного места не занимать, но именно он и выступает объединяющим и цементирующим началом.

В основе крымского текста несомненно лежит крымский миф, имеющий целый ряд вариантов, поскольку складывался в русской литературе в разное время в связи с писательскими представлениями о Крыме, на которые в свою очередь влияла литературная эпоха и литературная традиция.

Так в X–XIII веках под влиянием святоотеческой и агиографической литературы, летописных сказаний и т. п. возникают константные (мифологические) представления о Крыме как святой земле – колыбели русского православия. В это время полуостров воспринимается *своей чужой* землей. Центр этой земли находится в Херсонесе – городе, прославленном именами святого Климента, папы римского, святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, святых священномучеников епископов Ефрема, Василия, Евгения, Елпидия, Агафодора, Еферия и Капитона, святого равноапостольного князя киевского Владимира. С ней в этот период ощущается прочное духовное родство.

Но начиная со второй половины XIII века в связи с монголо-татарским нашествием упоминание Крыма, воспоминания о Крыме из русской литературы уходят, а в конце XIV века о нём постепенно вновь начинают говорить, но теперь уже только как о земле *чужой*. Начинает складываться новый вариант мифа о Крыме как о Восточной мусульманской стране.

Более того, от мифа о святости Крыма с центром в Херсонесе авторы переходят к формированию мифа о порочности Крыма, при этом центром этого мифа становится вовсе не столица Крымского ханства, а крупнейший черноморский крымский порт, торговый центр и, что особенно важно, центр работорговли – генуэзский город Кафа (Феодосия), а также граница Великой Степи (которая в определенной степени еще воспринимается как *своя*) и *чужой* земли – Перекоп. Нередко в литературе этого периода крымский хан так и назван – “перекопский царь” [см., напр.: 6]. Оттуда, из Крыма, совершаются набеги на Русскую землю. О святых местах Тавриды русские книжники и писатели на продолжительное время забывают.

Впервые отношение к Крыму как к абсолютно *чужой* земле проявилось в произведениях Куликовского цикла – «Задонщине», летописной повести о Куликовской битве, «Сказании о Мамаевом побоище».

Этого отношения к полуострову не изменил даже взгляд тверского купца Афанасия Никитина в его «Хожении за три моря» (XV век). Торговые люди во все времена были вынужденно толерантны к любым культурным и политическим явлениям, существовавшим на землях, через которые шли торговые пути. Поэтому о Крыме писатель говорит мягче своих современников, поскольку Крым воспринимается им как земля знакомая, а значит близкая, но всё равно чужая, с иной культурой и образом жизни, хотя и известными писателю.

XVI век дал произведения, которые разнообразили взгляд на Крым, внесли детализацию в крымский миф. В этих произведениях впервые восприятие Крыма осуществлялось на эмоциональном уровне. Отношение к Крыму как к чужой земле здесь уже не требует пояснений в виде сообщений о враждебности Крымского ханства или крымских татар к Руси. В данных текстах Крым и крымские реалии приобретают характер своеобразных художественных, образительно-выразительных средств, предназначенных для непосредственного эмоционального влияния на читателя (слушателя). При этом Крым воспринимается не столько как географическая территория, а чаще всего через его жителей – враждебно настроенных по отношению к Русскому государству крымских татар и их военачальников, знати, ханов.

Цель данной статьи – показать, каким образом развивался один из вариантов мифа о Крыме – миф о Восточной мусульманской стране.

XVI век – время расцвета русской публицистики. Общественно-исторические события (восхождение на престол Ивана IV Грозного, борьба придворных партий, опричнина, централизация власти, завоевание Казанского и Астраханского ханств и др.) всячески этому способствовали. Без агитации и пропаганды влияние на определённые политические силы было бы невозможно. И этим активно пользовались политические противники, в том числе и государь, проявивший незаурядный талант, если не сказать художественно-публицистическую гениальность.

Одним из центральных произведений этой эпохи является «Казанская история», созданная в 1564–1565 годах. Высокими художественно-публицистическими достоинствами несомненно обладают письма Ивана Грозного, обращённые к разным людям, предназначенные не только для личного пользования, но первым делом для доведения своей позиции до современников. Несомненно выдающимся литературным дарованием отмечены также письма Андрея Курбского и его же «История о великом князе Московском» (1570-е). Ещё одним крупным писателем эпохи был Иван Семенович Пересветов – автор «Малой челобитной», «Большой челобитной», «Сказания о Магмете-султани» и других широко известных и популярных на Руси произведений.

«Казанская история» – произведение остропублицистическое. Написанное в годы обостренных отношений Грозного с феодальной знатью, оно отразило – в трактовке исторических событий – политическую борьбу 60-х гг. XVI в., в которой автор последовательно стоит на стороне Ивана Грозного», что привело «к намеренному искажению в “Казанской истории” целого ряда исторических фактов» [1]. В произведении присутствует и чисто художественный вымысел [см.: 9]. Автор постоянно стремится заинтересовать читателя, связать отдельные исторические события в единый сюжет [см.: 2], что приводит «к свободному обращению автора с многочисленными историческими ... источниками» [1].

Текст «Казанской истории» – яркий пример того, как в середине XVI века воспринимался Крым. Неизвестный автор «Казанской истории», согласно данным, содержащимся в тексте произведения, русский по происхождению, двадцать лет (с 1532 по 1551 год) прожил в Казани как пленник, принявший мусульманство, и лишь во время взятия Казани вышел из города и поступил на службу к Ивану Грозному. Считается, что его длительное пребывание в Казани и тот факт, что он не воспользовался возможностью покинуть город вместе с другими русскими пленниками задолго до взятия города, объясняется особым тайным заданием, которое он выполнял: “находясь при царском дворе, он мог оказывать услуги и русскому правительству” [8, с. 279]. Хотя это только предположение, но, как бы то ни было, для нас важна длительная близость автора к Сафа-Гирею – выходцу из крымского рода Гиреев, – который трижды сидел на Казанском престоле и управлял Казанским ханством, окружив себя вельможами и воинами из Крыма, что вызывало недовольство жителей ханства, которые, ощущая двойной гнет – своих вельмож и крымских, решались на открытые антикрымские выступления. Поэтому бесславная гибель Сафа-Гирея описана как заслуженный итог его деяний: «... казанцы ... молиша царя Сап-Кирея, да изыдет паки третья к нимъ на Казань царемъ ... Онъ же радъ бысть и пойде с ними, прииде с честию в Казань. И встретиша с дары царскими и умиришася с ним. И царствова напоследок два лета, и злеокаянную свою душу изверже.

Словес Божиих суд! Мечь и копие не уби его, и многажды на ратех смертныя раны возлагаху нань, ныне же, пьянь, лице свое и руце умываше и напрасно занесесе ногама своими, и главою о умывалничный теремец ударися до мозгу, и о землю весь разразися, и все составы тела его разслабишася, и не успевшим его предстоящим скоро подхватити. И от того умре того же дни, глагола сие, яко: “Несть ино ничто, но кровь христианская уби мя”. И всех летъ царствова на Казани 32 лета» [5].

М. Г. Худяков по этому поводу замечал: «В марте 1549 года хан Сафа-Гирей скоропостижно скончался. Он имел всего 42 года и был в расцвете сил и здоровья. По поводу неожиданной смерти составитель “Казанского летописца” не преминул

сочинить целую басню ... <...> Если откинуть вымышленные подробности, мы имеем дело со скоропостижной смертью: с ханом произошел внезапный удар, и он быстро скончался. Вымышленная бытовая деталь – упоминание о том, будто хан споткнулся от того, что был пьян – должна быть приписана тому излюбленному автором “Казанского Летописца” насмешливо-злому тону, с каким он постоянно изображает несчастья и неудачи казанцев, и потому отнесена к области фантазии. Крымский историк XVI века Мустафа аль-Дженнаби дал следующую оценку деятельности покойного хана: “Сафа-Гирей хан был одним из величайших и могущественнейших государей. Правил он в продолжение 27 лет; в его время государство благоденствовало, и под защиту его победоносного оружия владения процветали”» [17, с. 112–113].

Для автора же «Казанской истории» у Сафа-Гирея “злеокаянная” душа, несмотря даже на то, что некогда его (автора) взял “к себе царь с любовию служить во дворь свой, и сотвори ... пред лицомъ своимъ стояти” [5]. Несомненным пороком властителя, по мысли автора, является тот факт, что особый почт у казанского царя имеют не казанцы, а крымцы – “многие крымские уланове и князи, и мурзы”. Это-то и приводит в конце концов к народному бунту, который вторично изгоняет Сафа-Гирея из Казани: “И воста в Казани в велможяхъ и во всем народе смятение велико, воздвигоша бо крамолу вси большие с меньшими на царя своего, Сат-Кирея, и свергоша его с царства своего, и выгнаша ис Казани со царицами его. И мало его не убиша за вину сию, что онъ приемляше своя земли крымскихъ срацынь, приходящих к нему в Казань, и велможями быти устрояше, и богатыше их, и почиташе, и власть велику подаваше имъ, и обиде казанцевъ, и любляше и брежаше ихъ паче казанцевъ” [5]. Таким образом формировался миф о различии крымцев и казанцев. При этом казанцы воспринимались как *свои, близкие*, имеющие много общего с русскими и Русью, крымские же татары напротив воспринимались как *чужие, пришлые, не свои*. С казанцами даже земля общая, и живут они на русской земле. Крымцы – напротив, как видим, названы “сарацинами”: “приемляше своя земли крымскихъ срацынь”, – а земля “своей”.

Необходимо помнить, что, как утверждает М. Фасмер, «**сарацин** “араб, мусульманин”, *прилаг.* сарацинский, также сарачинский; ... *русск.-цслав.* сракининь, саракининь, *ст.-слав.* Срацине ...» [16, с. 561]. И если здесь и примешивается добавочный смысл (“чужой, враг”), то главным все-таки остается основной, тот, который заставляет недавно вернувшегося в православие автора «Казанской истории» считать крымцев более мусульманами, нежели казанцы, пригласившие на царствование крымского царевича.

То есть деление идёт на своих и на чужих мусульман. Указанием на то, что казанскую землю автор воспринимает как свою, а крымскую как чужую является и фраза, отнесённая к размышлениям Ивана Грозного: “И уведа царь и великий князь Иоань Васильевичь, яко издавна стоять на Руской его земли царство срацынское Казань ...” [5]. Здесь царство, конечно, “срацынское”, но стоит оно (что особо подчеркнуто!) *на русской земле*. О Крымском ханстве в древнерусской литературе такого никогда сказано не будет.

Иначе, нежели «Казанская история», смотрит на крымцев и “крымского царя” «Троицкая повесть о взятии Казани». А. Н. Насонов датировал памятник временем не позднее лета 1553 года [см.: 10, с. 6].

По мнению исследователей, историко-литературную ценность Троицкого сочинения определяет прежде всего тот факт, что оно послужило одним из непосредственных источников «Казанской истории», на что впервые обратил внимание А. Н. Насонов (текст речи митрополита Макария, рассказ о прощании Грозного с царицей Анастасией, описание молебна в коломенском Успенском соборе, рассказ о приходе троицких чернецов под Казань, описание Казани и др.).

“В жанровом отношении, – пишет Т. Ф. Волкова. – Троицкое сочинение соединяет в себе черты традиционной исторической повести и агиографического произведения. Создавая свою повесть в стенах знаменитой Троицкой обители, ее автор постоянно стремится подчеркнуть роль монастырских святых в успешном ходе осады Казани. Все повествование здесь пронизано идеей Божественного покровительства Ивану Грозному и непосредственной связи его победы над Казанью с помощью высших сил и прославленных русских святых, среди

которых первостепенная роль отведена основателю Троицкого монастыря преподобному Сергию Радонежскому” [3].

Именно этим объясняется угол зрения автора произведения, рассматривавшего события сквозь призму истории церкви и православной веры на Руси. Поэтому основной акцент в отношении крымских татар сделан как раз, так сказать, в профессиональном русле. “... а ныне, де, – пишет автор «Троицкой повести ...», – идет на нас наш недруг *крымской царь* и хочет, *безбожный*, разорити православную веру”. И далее: “царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии самодержец поиде противу оног *зловерного царя крымского*»; «и прииде к нему весть ис поля, яко *безбожный царь крымский* идет со многими силами и уже ко украине приближается”; “Царь же и великий князь нача поведати скорбь свою и *всего православнаго христианства, что недруг его крымской царь* идет со многими людьми и с великим нарядом”; “возвестиша им, яко многия *люди крымския* идут из загонов и многь полон ведут. Они же вскоре их постигоша и помощью Божиею и молитвами пречистыя Богородица, христианския заступница, и великих чудотворцов русских многих *безбожных агарян* побиша, и многие языки изымаша, и весь той полон православное христианство отполониша”; “И прииде вестникъ ко царю и великому князю и сказа, яко *поганых многих* побиша и многи языки приведоша, и мног полон отполониша, а *нечестивый царь* скоро побеже тою же дорогою»; «благочестивый царь и великий князь и видех оных *многихъ срацын* приведеныхъ, и прослави всесильного Бога, яко такуюю победу дарова ему Богъ молитвами пречистыя Богородица и великихъ чудотворцовъ русских” [15] (везде курсив наш. – С.К.) и т. п.

То есть в «Троицкой повести ...» крымские татары враги не потому, что чужаки, а постольку, поскольку иноверцы. Они – враги православного царя, поэтому и враги Русской земли.

В «Малой челобитной» Ивана Пересветова, несмотря на простое упоминание, просматривается похожая позиция. Крымский хан назван “недругом”, то есть врагом: “от недруга, от крымского царя” [14]. Земля недруга, как понятно, близкой (а тем более *своей*) быть не может.

В сочинениях Андрея Курбского, несмотря на его крайнюю оппозиционность по отношению к Ивану Грозному, мы находим тоже позицию близкую к заявленным. Это прочитывается, например, в «Истории о великом князе Московском», которая “в окончательном виде ... сложилась, скорее всего, в первой половине 70-х гг. и, по мнению некоторых исследователей, имела целью дискредитировать Ивана Грозного как претендента на польский престол во время бескоролья в Речи Посполитой в 1573 г.” [18]. Описывая движение возглавляемых Великим государем Московским русских войск к Казани, Курбский говорит об освобождении осажденной крымскими татарами Тулы: “И бысть там радость немала о здравии пришествия царева со множества воевь, тако же и о победе предреченной, яже на крымского пса одержахомъ” [6]. Крымский (“перекопский”) хан (“царь”) назван “псом”. В переписке с Иваном Грозным крымских татар Курбский называет “варварами измайльтескими” [12].

Блестяще использует упоминание о крымских татарах в своих письмах Иван Грозный. Помимо традиционного упоминания, характерного для переписки с Андреем Курбским (напр.: “ово же от вась изменниковъ беды и скорби разными виды приемлюще, яко же подобно тебе, бешеной собаке, князь Семень Белской да Иванъ Ляцкой оттекоша в Литву и камо ни скакаше бесящися, – въ Царьградъ, и в Крымъ, и в Нагаи, и отовсюду на православие рати воздвизающе”; “какова тогда злая пострадаша от варваръ православнии, – от Крыма и от Казани: до полуземли пусто бяше”; “в нашу вотчину, на Тулу, недругъ нашъ приходиль, крымской царь” [12]), в других посланиях великий князь Московский использует обращение к Крыму и крымским реалиям как своеобразный художественный приём.

Особенно хорошо это просматривается в письме к Василию Грязному: “Что писалъ еси, что по грехомъ взяли тебя в полонъ; ино было, Васюшка, без путя среди крымскихъ улусовъ не заезжати, а уж заехано, ино было не по объезному спати; ты чаяль, что в объездъ приехалъ с собаками за зайцы, ажно крымцы самого тебя в торокъ ввязали. Али ты чаяль, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньемъ шути-ти? Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, да вась, дрочонъ, умеють

ловити; да такъ не говорить, дошодши до чюжей земли: да пора домовъ! Токмо б таковы крымъцы были, какъ вы, жонки, – ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве”. Уже по этому небольшому отрывку из послания понятно, что сравнение Василия Грязного и его сподвижников с крымцами становится под пером Ивана Грозного предметом жестокой иронии. По словам Д. С. Лихачева, “несмотря на всю наставительность этого письма, оно полно вызывающей искренности, соединенной с артистическим притворством, притворством, не ставящим себе практических целей, использующим ситуацию для лукавой и безжалостной шутки” [7, с. 194]. Царь играет словом, умаляя достоинство одного из некогда близких ему руководителей опричнины за счёт крымскотатарских воинов: “ты чаяль, что в объездъ приехалъ с собаками за зайцы, ажно крымцы самого тебя в торокъ ввязали”; “таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньемъ”; “крымцы такъ не спятъ, какъ вы”; “крымцы ... васъ ... умеють ловити”; “толко б таковы крымъцы были, какъ вы, жонки, – ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве” [13], – констатирует автор, упоминая таким образом о захвате и сожжении Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем в мае 1571 года.

Здесь нет прямого указания на то, что крымцы – чужие, враги, неприятели, и не на это сделан акцент. Писатель создаёт из крымцев образец воинской удачи, ловкости, хитрости. Они смелы, сильны и целеустремленны в отличие от русских – любителей развлечений (заячьей охоты), обжор, неженок и “жоннок”. Сарказм здесь достигается как раз сравнением своих, русских, с чужими – крымскими татарами. И наличие положительных качеств у чужих и отсутствие их у своих делает русских мелкими, ничтожными, жалкими. То, что крымцы – чужие, подчёркнуто самим сравнением русских и крымских татар, поскольку автору особенно хорошо известно, учитывая прошлое социальное положение и характер адресата, что именно такое сравнение будет наиболее болезненным для него. Особенно уничижительными по отношению к Грязному звучат слова Ивана Грозного при сравнении его с Дивеем-мурзой: “И тебя, ведь, на Дивея выменити не для кристьянства – на кристьянство: ты одинъ свободень будешь, да приехавъ по своему увечью лежать станешь, а Дивей приехавъ учнетъ вое-

вати, да неколко соть кристьянь лутчи тебя пленить”. Дивей-мурза, представитель ногайского рода Мансуров, был одним из крупнейших полководцев и сподвижников крымского хана Девлет-Гирея. «Кровопийцей христианским» называет его оппонент Ивана Грозного князь Андрей Курбского. Дивей-мурза был взят в плен русскими войсками в 1572 года во время победы над крымцами. Дальнейшая судьба Дивея неясна: в ноябре 1576 года царь заявил, что Дивей умер. Другие источники свидетельствуют, что Дивей-мурза вступил в русскую службу и в 1581 году находился при царе в Старице в чине постельника или стольника. В том же году во время набега Х. Радзивилла бывший крымскотатарский военачальник перебежал на сторону поляков и вступил в службу к Стефану Баторию [см.: 19].

Сохранилось два ответных письма Василия Грязного Ивану Грозному. Характер ответов, конечно, абсолютно иной, поскольку между адресатами лежит непреодолимая социальная пропасть. И все же “переписку Ивана Грозного и Василия Грязного, – писал Д. С. Лихачев, – ... охватывает общее настроение, общий дух ядовитой шутки: с одной стороны, от царя – властной и открытой, а с другой – от Грязного – подобо-страстной, переходящей в намеки, вызывающей на близость, стремящейся найти опору к возвращению прежних отношений” [7, с. 194]. Несмотря на то, что “характер отношений обоих радикально изменился”, «шутка как мяч, перелетает в этой переписке от одного к другому, демонстрируя находчивость обоих и слаженность выработавшейся еще за столом, “за кушанием” в покоях у царя, остротной игры» [7, с. 194]. И Грязной позволяет себе ярко, образно парировать упреки царя: “меня, холопа твоего, взяли нолны з двумя седлы защитясь, уж мертвого взяли; *да заец, государь, не укусит ни одное собаки,* а яз, холоп твой, *над собою укусил шти человек до смерти, а двадцать да дву ранил;* и тех, государь, и ко царю принесли вместе со мною. А в Крыме что было *твоих государевых собак изменников,* и Божиим милосердьем за твоим государевым счастием, яз, холоп твой, *всех перекусал же*”; “яз, холоп твой, *не у браги увечья добыл ни с печи убился,* да в чом Бог да ты, государь, поставишь” (выделено курсивом нами. – С.К.) [19].

В Крыму Василий Грязной был брошен в темницу на Мангупе (“отослал в Манкуп город, да велел крепити да

мало велел ести давати” [11]; “ко мне, холопу твоему, в Манкуп” [4]). И именно там складывается его выстрадавший взгляд на Крым, невольно выраженный в следующих словах, обращённых к Ивану Грозному: “телом ныне в Крыму у крымского царя сию, а душою у Бога да у тебя, государя” [11]. В этих словах Грязного тоже есть игра (он приучился играть словом!), но за этой игрой – полная искренность и неожиданное противопоставление: земное, телесное – в Крыму, а Небесное, Божеское – у государя, на Руси.

Так в XVI веке в обращениях к Крыму, если припомнить и «Троицкую повесть о взятии Казани», к оппозиции *свое / чужое* прибавляется оппозиция *божеское, православное / безбожное, сарацинское* и *земное / небесное*.

Переписка Ивана Грозного с Василием Грязным значительно оживляет представление о Крыме. «Перед нами свободная беседа, словно записанный разговор: мастера лихой потехи, шутника и балагура, “верременного” человека – и царя, ядовитого, жестоко ироничного, умевшего играть роль и разыгрывать человека простого и справедливого» [7, с. 195]. Крым предстает (редкость для древнерусской литературы!) в бытовых и исторических подробностях, в лицах и речах. При этом Крым и крымцы оказываются хорошо известны не только крымскому пленнику, но и московскому государю, что было вполне характерно для той эпохи. «Крым не был для русских чуждой, неизвестной землей, – пишет С. Ю. Шокарев. – Торговые связи с Крымом и Турцией были налажены уже во второй половине XV в. Большое количество русских попадало в Крым в плен. Положение полоняников было различным – одних продавали на галеры в Турцию и другие страны, других использовали как рабочую силу, истязали, содержали в тюрьмах. Но были и те, которые добивались лучшего положения и не хотели возвращаться в Россию. Многие из них “бусурманились” – принимали ислам. Специальные договоренности (правда, не всегда соблюдавшиеся) между московским государем и крымским ханом гарантировали неприкосновенность купцам и людям, приезжавшим в Крым для поиска и выкупа своих родственников» [19].

Выводы. В конце XIV века в древнерусской литературе начинает складываться новый инвариант крымского мифа –

миф о Крыме как о Восточной мусульманской стране, центром которого становится центр работорговли – крупнейший на Черном море порт Кафа (Феодосия), а также граница Великой Степи и чужой земли – Перекоп. Впервые складывающийся миф заявляет о себе в произведениях Куликовского цикла и становится мифом о Крыме как о чужой, враждебной земле.

В XVI веке появляется важное константное представление о Крыме: его жители, крымские татары, враги не потому, что чужаки, а постольку, поскольку иноверцы («Казанская история», «Троицкая повесть о взятии Казани», «Малая челобитная» Ивана Пересветова, сочинения Андрея Курбского). Блестящим образцом использования представлений о Крыме для решения художественных задач представляют собой в это время письма Ивана Грозного. В них утвердившиеся константные представления о Крыме становятся, с одной стороны, основой авторских иронии и сарказма, а с другой – придают уже устоявшимся мифологемам новые черты (переписка с Андреем Курбским и Василием Грязным).

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Т.Ф. Казанская история [Электронный ресурс]: [вступительная статья] / Т. Ф. Волкова; Подгот. текста и пер. Т.Ф. Волковой, коммент. Т. Ф. Волковой и И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб. : Наука, 2000. – Т. 10 : XVI век. – 618 с. – Режим доступа : http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5148#_ednref25 (время последнего обращения: 13.06.2016)
2. Волкова, Т. Ф. Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани [Текст] / Т. Ф. Волкова // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – Т. XXXIX. – С. 308–322.
3. Волкова, Т. Ф. Троицкая повесть о взятии Казани [Электронный ресурс] : [вступительная статья] / Т. Ф. Волкова : Подгот. текста, пер. и коммент. Т. Ф. Волковой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб. : Наука, 2000. – Т. 10 : XVI век. – 618 с. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5149> (время последнего обращения: 11.07.2016).
4. Второе письмо думного дворянина Василия Григорьевича Грязного царю Ивану IV Васильевичу Грозному из крымского

- плена [Электронный ресурс] / Шокарев, С. Ю. Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным и русско-крымские взаимоотношения второй четверти XVI века. – Режим доступа : <http://www.krotov.info/acts/16/3/krym.htm> (время последнего обращения : 12.07.2016).
5. Казанская история [Электронный ресурс] / Подгот. текста и пер. Т. Ф. Волковой, коммент. Т. Ф. Волковой и И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 2000. – Т. 10 : XVI век. – 618 с. – Режим доступа : http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5148#_ednref25 (дата последнего обращения : 07.07.2016).
 6. Курбский, Андрей. Сочинения Андрея Курбского : История о великом князе Московском [Электронный ресурс] / Андрей Курбский // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 2001. – Т. 11 : XVI век. – 683 с. – Режим доступа : <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9862> (дата последнего обращения : 02.07.2016)
 7. Лихачев, Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник») / Д. С. Лихачев // Переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского / Текст подг. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. – Л. : Наука ; Ленинград. отд., 1979. – С. 183–213.
 8. Моисеева, Г. Н. Автор «Казанской истории» [Текст] / Г. Н. Моисеева // Труды отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. IX. – С. 266–288.
 9. Моисеева, Г. Н. Казанская царица Сююн-бике и Сумбека «Казанской истории» [Текст] / Г. Н. Моисеева // Труды Отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – Том XII. – С. 174–187.
 10. Насонов, А. Н. Новые источники по истории Казанского взятия [Текст] / А. Н. Насонов // Археографический ежегодник за 1960 г. – М. : [б. и.], 1962. – С. 3–27.
 11. Первое письмо думного дворянина Василия Григорьевича Грозного царю Ивану IV Васильевичу Грозному из крымского плена [Электронный ресурс] // Шокарев, С. Ю. Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным и русско-крымские взаимоотношения второй четверти XVI века. – Режим доступа : <http://www.krotov.info/acts/16/3/krym.htm> (дата последнего обращения : 12.07.2016).
 12. Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным [Электронный ресурс] Подгот. текста Ю. Д. Рыкова, пер. О. В. Творогова, коммент. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 2001. – Т. 11 :

- XVI век. – 683 с. – Режим доступа: http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9113#_ednref21 (время последнего обращения: 09.07.2016).
13. Послания Ивана Грозного: Послание Василию Грязному [Электронный ресурс] / Подгот. текста Е. И. Ванеевой, пер. и коммент. Я. С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырko. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11: XVI век. – 683 с. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9119> (дата последнего обращения: 09.07.2016).
 14. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова [Электронный ресурс] / Подгот. текста М. Д. Каган-Тарковской, пер. А. А. Алексеева, коммент. Я. С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырko. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. – 566 с. – Режим доступа: http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5115#_edn1 (дата последнего обращения: 07.07.2016).
 15. Троицкая повесть о взятии Казани [Электронный ресурс] / Подгот. текста, пер. и коммент. Т. Ф. Волковой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырko. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 10: XVI век. – 618 с. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5149> (дата последнего обращения: 11.07.2016).
 16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] : В 4 т. : Т. 3 (Муза–Сят) / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
 17. Худяков, М. Г. Очерки по истории Казанского ханства [Текст] / М. Г. Худяков. – Изд. 3-е, доп.; воспроизвед. по тексту 1-го изд. (Казань: Комбинат изд-ва и печати, 1923). – М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. – 320 с.: карт.
 18. Цеханович, А. А. История о великом князе Московском [Электронный ресурс] : [вступительная статья] / А. А. Цеханович; Подгот. текста и коммент. А. А. Цехановича, пер. А. А. Алексеева // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырko. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11: XVI век. – 683 с. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9862> (дата последнего обращения: 09.07.2016).
 19. Шокарев, С. Ю. Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным и русско-крымские взаимоотношения второй четверти XVI века [Электронный ресурс] / С. Ю. Шокарев // Москва-Крым:

историко-публицистический альманах, Москва. – 2000. – № 1. – Режим доступа : <http://www.krotov.info/acts/16/3/krym.htm> (дата последнего обращения : 12.07.2016).

Кур'янов С. О.

КРИМ У ТВОРАХ ДАВНЬОРУСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ XVI СТОЛІТТЯ. (ДО ПРОБЛЕМИ СТАНОВЛЕННЯ КРИМСЬКОГО ТЕКСТУ)

Головним текстотвірним елементом будь якого понадтексту є міф – міфологічні (константні) уявлення про особу, предмет, явище, регіон тощо. Понадтекст є міфом, явленим у контексті, яким є подійно-поняттева канва будь якого художнього літературного твору. Давньоруські письменники XVI століття, що визначали наперед формування кримського тексту, суттєво розширюють прийоми включення уявлень щодо Криму у читатській свідомості. Один з варіантів кримського міфу – міф про Крим як східно-мусульманську країну – отримує в цей час нові риси і функції. Мета статті – показати, яким чином розвивався цей варіант міфу про Крим у XVI столітті. (Філологічні дослідження, вип. 15, 2016, с. 57–72).

Ключові слова: давньоруська література, іслам, Крим, кримський міф, кримський текст, понадтекст, Схід.

Kuryanov S. O.

THE CRIMEA IN WORKS OF THE OLD RUSSIAN LITERATURE OF THE XVI CENTURY. (TO THE PROBLEM OF FORMATION OF CRIMEAN TEXT)

Old Russian writers of the XVI century greatly expanded methods incorporating concepts of the Crimea in the reader's mind, anticipating the formation of the Crimean text. One embodiment of the Crimean myth – the myth of the Crimea as the Eastern Muslim country – gets at this time, new features and functions. The purpose of this article – to show how to develop this version of the myth of the Crimea in the XVI century. (Philological researches, ed. 15, 2016, p. 57–72).

Keywords: East, Islam, the Crimea, the Crimean myth, the Crimean text, the Old Russian literature, upper text.